Научно-исследовательская
УДК 101.8
DOI: 10.25688/2078-9238.2022.43.3.7

ВОПРОС О ГЕГЕЛЕВСКОЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА В ФИЛОСОФИИ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

П. В. Владимиров

Российский государственный гуманитарный университет,
Миусская пл., 6, Москва, Россия, 125047,
pvladimirov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1431-4011

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об интерпретациях учения Гегеля о государстве в философии диалектического материализма конца XIX – первой половины XX века. Актуальность исследования связана с выявлением особенностей восприятия идей европейской философии с учетом их адаптации к отечественным историческим и политическим условиям. Исследование проведено с использованием метода контент-анализа произведений диалектического материализма, связанных с гегелевской проблематикой, что позволило выявить основные направления интерпретаций по вопросу о теории государства Гегеля. Показана неоднородность направлений интерпретаций, а также некоторые особенности развития диалектического материализма в части преобладающих направлений. Идеи Гегеля по вопросам теории государства могли интерпретироваться как в ключе подчеркивания их прогрессивно-революционного значения, так и в стиле обозначения их реакционно-консервативной природы. В статье также описаны основные факторы, повлиявшие на противоречивость трактовок гегелевской теории государства в части выявления как внутренних философских причин, характерных для российской и советской философии, так и внешних исторических обстоятельств. Исследование дополняет общую историко-философскую картину развития отечественной философии в части рецепции и адаптации западноевропейских идей, а также способствует лучшему пониманию специфики интерпретаций работ Г. В. Ф. Гегеля в условиях

© Владимиров П. В., 2022

существенного влияния государственной идеологии на деятельность философских работников СССР.

Ключевые слова: Гегель, диалектический материализм, философия государства, философия права, советская философия, марксизм

Для цитирования: Владимиров П. В. Вопрос о гегелевской теории государства в философии диалектического материализма конца XIX – первой половины XX века // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2022. № 3 (43). С. 80–94. DOI: 10.25688/2078-9238.2022.43.3.7

Scientific research
UDC 101.8
DOI: 10.25688/2078-9238.2022.43.3.7

THE QUESTION OF THE HEGELIAN THEORY OF THE STATE IN THE PHILOSOPHY OF DIALECTICAL MATERIALISM OF THE LATE XIX – FIRST HALF OF THE XX CENTURY

Pavel V. Vladimirov

Russian State University for the Humanities,
Miusskaya pl., 6, Moscow, Russia, 125047,
pvladimirov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1431-4011

Abstract. The article is devoted to the problem of assessing G. W. F. Hegel's philosophy in dialectical materialism in the late 19th – first half of the 20th century in terms of its theory of the state. The relevance of the study is related to identifying the features of the perception of European philosophical ideas, with their adaptation to Russian and Soviet historical and political conditions. The study was carried out using the method of content analysis of works of dialectical materialism related to Hegelian problems. It allowed to identify the main directions of interpretations on the issue of Hegel's theory of the state. The heterogeneity of ways of interpretations is shown, as well as some features of the development of dialectical materialism in terms of prevailing interpretations. Hegel's ideas on the theory of the state could be interpreted both in terms of emphasizing their progressive or revolutionary significance, and in the style of designating their reactionary or conservative character. The article also describes the main factors that influenced the inconsistency of interpretations of the Hegelian theory of the state, in terms of identifying both internal philosophical reasons inherent to Russian and Soviet philosophy, and external historical circumstances. The study complements the views on the development of Russian philosophy in terms of reception and adaptation of Western European ideas, and also contributes to a better understanding of the specifics of the Hegelian interpretations in the context of significant influence of state ideology on Soviet philosophy.

Keywords: Hegel, dialectical materialism, philosophy of the state, philosophy of right, Soviet philosophy, Marxism

For citation: Vladimirov P. V. (2022). The question of the Hegelian Theory of the State in the Philosophy of Dialectical Materialism of the Late XIX – first half of the XX century // *MCU Journal of Philosophical Sciences, 3* (43), 80–94. https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.43.3.7

Введение

Диалектический материализм долгое время был официальной философской доктриной нашей страны в советский период ее развития. При этом одним из исторических источников формирования диалектического материализма зачастую называлась философия Г. В. Ф. Гегеля. Однако проблематика восприятия философии Гегеля не имела однозначного решения в рамках диалектического материализма, вызывая многочисленные споры среди его представителей.

Вопрос об отношении к теории государства является одним из аспектов комплексного исследования об интерпретациях философии Гегеля в диалектическом материализме конца XIX – первой половины XX века, проведенного на базе кафедры истории зарубежной философии Российского государственного гуманитарного университета. В рамках данного исследования с использованием метода контент-анализа были рассмотрены 194 произведения, отнесенных к направлению «диалектический материализм», в которых содержатся интерпретационные тезисы относительно философии Гегеля. Из данных произведений в целях настоящей статьи были выделены те произведения и тезисы, которые связаны с вопросом об отношении философии Гегеля к теории государства. На основании указанной группировки выделены основные направления интерпретаций, описанные ниже.

Основные направления интерпретаций

В произведениях диалектического материализма были распространены оценки философии Гегеля как в целом двойственной и противоречивой, характеризующейся сочетанием прогрессивно-революционных начал (как правило, относимых к диалектическому методу Гегеля) с реакционно-консервативными (как правило, относимыми к идеалистической системе Гегеля). Соответственно, подобный двойственный характер оценок был свойственен интерпретациям практически по всем направлениям и аспектам философии Гегеля, в том числе и по гегелевской теории государства. В различных работах диалектического материализма могло утверждаться превалирование как прогрессивных, так и реакционных начал в тех или иных разделах философии Гегеля, что формировало некие полюсы интерпретационных направлений, между которыми и находилась значительная часть интерпретаций. При этом хронологически в рассматриваемом периоде (конец XIX – первая половина XX века) основной тенденцией было общее ухудшение отношения к философии Гегеля — от в целом умеренно-позитивного отношения в конце XIX – начале XX века до в целом негативного в конце 1940-х и начале 1950-х годов.

Эта общая тенденция может быть прослежена и в отношении интерпретаций по вопросу о теории государства Гегеля. В ранние периоды развития

диалектического материализма (условно — до конца 1920-х годов) основное внимание уделялось не столько вопросам непосредственно гегелевского учения о государстве, содержащегося в «Философии права», сколько идеям о революционном значении диалектического метода Гегеля в применении к актуальным проблемам общества и государства. В этой связи оценки соответствующих аспектов гегелевской философии были, как правило, в целом положительными, что выражалось в подчеркивании прогрессивного, революционного и научного характера диалектики Гегеля, в том числе по отношению к вопросам теории развития общества и государства.

Другой полюс интерпретаций, более характерный для периодов с середины 1930-х и до начала 1950-х годов, состоял в трактовке гегелевского подхода к государству в качестве реакционного, консервативного, мистического, пронизанного идеализмом и т. д. Теория государства Гегеля в подобных интерпретациях могла называться инструментом философского обоснования сословного деления общества, а также господства буржуазии и аристократии. Кроме того, в этой связи Гегель мог обозначаться как предшественник теорий империализма или фашистского корпоративного государства.

Часть интерпретаций, близкая к сбалансированным или нейтральным позициям, находилась между двумя этими полюсами. Одно из таких направлений интерпретаций могло состоять в признании наличия в теории государства Гегеля некоторых потенциально реакционных начал при одновременном обозначении крайнего раздувания этих начал различными буржуазными и фашистскими идеологами. Подобное направление характерно в большей степени для 1930-х годов.

Таким образом, общая линия преобладающих интерпретаций может характеризоваться тремя этапами:

1. *Ранний этап:* условно-положительные трактовки, акцентирующие внимание на революционном и прогрессивном характере философии Гегеля (в том числе применительно к вопросам теории государства).

2. *Средний этап:* нейтральные или сбалансированные интерпретации, в том числе в части исследования проблематики о легитимности использования гегелевского наследия буржуазными и/или фашистскими идеологами.

3. *Поздний этап:* негативные оценки, акцентирующие внимание на реакционности как философии права Гегеля в целом, так и его теории государства.

При этом оценки различных авторов внутри каждого из этапов не были однородными и наряду с преобладающими оценками, соответствующими обозначенным тенденциям, могли присутствовать и интерпретации, отличающиеся от них. Некоторые примеры интерпретаций в соответствии с указанными группами приведены ниже.

Направление 1: диалектический метод Гегеля, примененный к вопросам государства и общества, имеет революционное и прогрессивное значение.

Для дореволюционных периодов развития диалектического материализма характерно внимание как к сугубо философским аспектам учения Гегеля

(логика и ее категории, теория познания, теория развития и т. д.), так и к потенциальным выводам из этих аспектов, связанным с практикой революционной борьбы, а также с вопросами философского обоснования неизбежности смены существующего государственного строя в ходе революционных, скачкообразных преобразований. Философия Гегеля, в ее марксистской переработке, в этой связи зачастую рассматривается как орудие, которое может и должно быть использовано для дела подготовки и совершения революции, для коренного переустройства общества и государства.

Так, например, Г. В. Плеханов в ряде работ акцентирует внимание на тезисах Гегеля о скачкообразном, в моменты перерыва постепенности, переходе количественных изменений в качественные. Соответствующие тезисы интерпретируются Плехановым как обоснование возможности и оправданности революционных вариантов переустройства общества при наличии достаточных внутренних оснований для этого[1]. Кроме того, Плеханов обращает внимание на революционную значимость тезисов Гегеля о противоречиях как движущей силе общественно-государственного развития, утверждая, что гегелевская установка «Противоречие ведет вперед» должна браться на вооружение пролетариатом, передовым классом общества[2]. В соответствии с плехановской интерпретацией Гегеля, каждая совокупность явлений в своем развитии из себя самой создает те силы, которые ведут к ее исчезновению или отрицанию. Соответственно, применительно к государству и общественно-политической сфере, революционное (скачкообразное) изменение того или иного строя обоснованно, когда оно совпадает с объективным процессом отрицания, происходящим в недрах этого строя[3].

Схожее значение философии Гегеля подчеркивается и В. И. Лениным. Скажем, в работе «Фридрих Энгельс» (1895) он отмечает, что из учения Гегеля следует, «что и борьба с действительностью, борьба с существующей неправдой и царящим злом коренится в мировом законе вечного развития», а самодержавие прусского короля или русского царя не может продолжаться вечно[4].

Период 1920-х годов характеризуется коренным изменением общественно-политических условий: революция, для теоретического обоснования которой использовалась в том числе и философия Гегеля, совершилась и советская власть, пройдя через период гражданской войны, встала перед необходимостью как существенных преобразований полученного «наследия» во всех сферах общественной и экономической жизни, так и формирования новой, стабильной

---

[1] *Плеханов Г. В.* Новый защитник самодержавия, или горе г. Тихомирова. Ответ на брошюру «Почему я перестал быть революционером?» (1889) // Избранные философские произведения: в 5 т. Т. 1. М.: Госполитиздат,1956. С. 388–389.

[2] *Плеханов Г. В.* В Амстердаме (1904) // Сочинения. Т.16. М.: Госиздат, 1928. С. 341.

[3] *Плеханов Г. В.* Предисловие переводчика и примечания ко второму изданию брошюры Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах» (1905) // Избранные философские произведения: в 5 т. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1956. С. 455.

[4] *Ленин В. И.* Фридрих Энгельс (1895) // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 2. М.: Изд-во политической литературы, 1967. С. 7.

государственной системы. Тем не менее революционный мотив в действиях новой власти был еще силен и актуален: после совершения политической революции предстояло осуществить полное переустройство общества на новых принципах. В этой связи обращение к соответствующим интерпретациям философии Гегеля также представлялось востребованным. В 1920-х годах (в продолжение соответствующего призыва Ленина в статье 1922 года «О значении воинствующего материализма») нередко ставится задача по материалистически ориентированной доработке диалектики Гегеля для возможности применения ее как научного метода, в том числе и в отношении государственных или общественно-политических вопросов. В этой связи представляется оправданным и наблюдающийся в данном периоде рост интереса к философии права Гегеля, а также к его философии истории. В отношении теории государства начинает в том числе активно прорабатываться вопрос о зачатках исторического материализма или же политической экономии у Гегеля.

При этом тезисы о революционном значении диалектики Гегеля применительно к вопросам государственного устройства зачастую сопровождаются оговорками о скрытом характере соответствующих начал в философии Гегеля. Сам по себе Гегель может называться противником революционных преобразований общества, что не мешает его философии, будучи правильно интерпретированной и развитой, носить революционный характер. В этой связи, в частности, прорабатываются вопросы о вскрытии соответствующего значения гегелевской философии Марксом и Энгельсом или же о важности различения между действительным и существующим в работах Гегеля. Так, например, М. А. Дынник отмечает, что тезис Гегеля о разумности действительного и о действительности разумного может интерпретироваться по-разному. В случае приравнивания действительного к существующему этот тезис становится консервативным, оправдывающим любые пороки и изъяны существующего общественно-политического строя — «философским освящением деспотизма, полицейского государства, келейных расправ, цензуры»[5]. Более правильной Дынник считает другую интерпретацию — действительное не всегда есть существующее: некоторые аспекты существующей реальности могут являться преходящими, отмирающими, т. е. неразумными и недействительными. При этом другие аспекты и явления могут быть внутренне необходимыми, имеющими потенциал своего развития и полного проявления, хотя и не явленными до определенного момента в актуальном существовании. В такой интерпретации соответствующие тезисы Гегеля становятся революционными и прогрессивными. В этой связи Дынник утверждает, что сам Гегель в явном виде не делает соответствующих революционных выводов применительно к вопросам государства и общества, хоть и подразумевает их. Схожие позиции по вопросу о значимости гегелевского различения действительного

[5] *Дынник М. А.* От примирения с действительностью к апологии разрушения (к вопросу о развитии гегельянства М. Бакунина) // Летописи марксизма. 1927. № 4. С. 34.

и существующего содержатся и в ряде других работ относительно ранних периодов развития диалектического материализма[6].

Направление 2: буржуазные философы раздувают реакционную сторону учения Гегеля о государстве. Другое направление интерпретаций, в большей степени свойственное для 1930-х годов, а также для начала 1940-х, состоит в обозначении использования гегелевского учения о государстве различными реакционными, буржуазными и фашистскими идеологами. В рамках данного направления в теории государства Гегеля признается наличие некоторых реакционных начал, однако делается акцент именно на раздувании или же искажении этих начал современными западными философами.

Так, например, В. К. Брушлинский обозначает потенциал использования гегелевской теории права, в том числе в части понятия свободы, воплощаемого в рамках государства, для обоснования произвола и вседозволенности правящих классов буржуазных и фашистских государств[7]. В. Г. Вандек и В. Тимоско отмечают попытки социал-фашистов и национал-фашистов «использовать реакционную сторону Гегеля для прикрытия своей гнусной буржуазной практики», в том числе в части раздувания реакционных идей Гегеля о государстве и нации (обожествление государства в качестве вечной надклассовой организации нации и в качестве абсолютной самоцели)[8]. Ф. А. Горохов отмечает стремление различных неогегельянцев, социал- и национал-фашистов и т. д. превратить Гегеля в теоретика якобы внеклассового буржуазного государства, подхватывая «слабую, реакционную струю в гегелевской философии»[9]. О. М. Танхилевич подчеркивает, что реакционная сторона Гегеля вызывает внимание и симпатии буржуазных философов в том числе и в связи с тем, что Гегель воспринимается как идеолог и пророк империалистического государства[10]. М. Б. Митин отмечает в философии Гегеля его склонность к возвеличиванию и даже обожествлению государства, что приводит к трактовкам Гегеля в качестве предтечи идеологий империализма или фашистского корпоративного государства[11]. М. А. Аржанов утверждает, что гегелевские категории единства, целостности и общности имеют потенциал для интерпретаций в духе примата интересов государства над интересами отдельных индивидуумов

---

[6] *Горохов Ф. А.* Философско-исторические взгляды Гегеля и исторический материализм // Под знаменем марксизма. 1931. № 11–12; Асмус В. Ф. Маркс и буржуазный историзм (1933) // Избранные философские труды. Т. 2. М.: Изд-во МГУ, 1971. С. 351–379.

[7] *Брушлинский В. К.* Современное гегельянство на Западе // Под знаменем марксизма. 1931. № 7–8. С. 204–223.

[8] *Вандек (Тер-Григорьян) В. Г., Тимоско В.* Гегель и Кант // Под знаменем марксизма. 1931. № 11–12. С. 134.

[9] *Горохов Ф. А.* Философско-исторические взгляды Гегеля и исторический материализм // Под знаменем марксизма. 1931. № 11–12, С. 59.

[10] *Танхилевич О. М.* Об историческом и логическом. К вопросу о гегелевском наследстве // Под знаменем марксизма. 1931. № 6. С. 31.

[11] *Митин М. Б.* Гегель и теория материалистической диалектики. М.: ОМВД; Партийное издательство, 1932. С. 9.

и групп (в том числе класса трудящихся), что активно используется различными фашистскими идеологами[12]. Г. К. Баммель подчеркивает, что некоторые фашиствующие неогегельянцы трактуют Гегеля в теолого-этатистском ключе (государство как «шествие бога в мире»). Утверждается, что их привлекает догмат о сверхъестественности и незыблемости государства, стоящего «выше природы», а также примат государства перед индивидом[13]. Г. Ф. Александров утверждает, что буржуазные реакционные философы фальсифицируют учение Гегеля о государстве, «стремясь оправдать при помощи его «философии права» современную реакцию»[14].

Направление 3: теория государства Гегеля носит преимущественно реакционный характер. Гегель обожествляет государство, придает ему идеалистическое значение и обосновывает примат интересов государства над индивидуумом.

Другое направление интерпретаций связано с акцентированием внимания на гегелевских тенденциях по обожествлению государства, являющегося воплощением нравственной идеи или стадией развития объективного духа, что трактуется как проявление реакционного и мистического начала философии Гегеля. Соответствующие интерпретации присущи произведениям и относительно ранних периодов развития диалектического материализма, но наибольшее распространение они получают с середины 1930-х годов.

Так, например, М. Б. Митин утверждает, что Гегель рассматривает государство как выражение объективной идеи в форме нравственного духа народа. Правительство, в свою очередь, является выразителем воли народного духа, а деятельность правительства есть обнаружение гражданами «их свободы, их собственной разумной нравственной сущности». Это приводит Гегеля, по мнению Митина, к обоснованию необходимости безусловного и добровольного повиновения всех граждан своему правительству. Делается вывод, что таким образом Гегель «философски обслуживает здесь крепостническую диктатуру»[15].

П. Ф. Липендин и С. Николаев отмечают теорию государства в качестве реакционной стороны гегелевской философии. Утверждается, что Гегель исходит из идеалистической посылки о том, что семья, гражданское общество и государство якобы являются только выражением развития некоего объективного народного духа. Правительство же является выразителем воли этого духа, а деятельность правительства трактуется Гегелем не как внешнее принуждение по отношению к гражданам, а как «обнаружение их свободы, их собственной разумной нравственной сущности». Отсюда Гегель, в понимании Липендина

---

[12] *Аржанов М. А.* Гегельянство на службе германского фашизма. М.: Партиздат, 1933. С. 60–61.

[13] *Баммель Г. К.* О фашизации истории философии в Германии // Против фашистского мракобесия и демагогии. М.: Соцэкгиз, 1936. С. 260–261.

[14] *Александров Г. Ф.* Философские предшественники марксизма. 2-е изд. М.: Политиздат при ЦК ВКП(б), 1940. С. 102.

[15] Диалектический и исторический материализм: учеб. для комвузов и вузов / под ред. М. Б. Митина. М.: ОГИЗ, Соцэкгиз, 1934. С. 89–90.

и Николаева, выводит догмат о необходимости подчинения всех граждан правительству и объявляет всякое неповиновение правительству преступлением, связанным с нарушением гражданами их собственной нравственно-духовной сущности. В этом авторы видят прислужничество Гегеля перед правящими кругами прусской монархии[16].

М. Д. Каммари утверждает, что Гегель обожествляет государство как воплощение некоего мистического, объективного, всеобщего духа, стоящего над индивидуальным и субъективным сознанием. Подчеркивается, что Гегель обозначает государство как действительность «нравственной идеи», как земно-божественное существо и т. д. Каммари называет это полной мистификацией и обожествлением эксплуататорского государства. Отмечается, что Гегель выводит «мыслимое понятие» государства априорно, из идеи, а не на основе изучения конкретных исторических типов форм государственности. Обозначаются также: 1) непонимание Гегелем роли классовых отношений в части теории государства; 2) проявления у Гегеля буржуазного юридического фетишизма с его метафизическими теориями «правового государства» и т. п.[17]

Б. Э. Быховский в качестве негативных сторон философии Гегеля отмечает обожествление государства и восхваление буржуазно-помещичьей конституционной монархии. Он обозначает также совершенную Гегелем идеалистическую мистификацию понятий нравственности и государства — государство трактуется Гегелем как объективация нравственной идеи, вместо выведения нравственных представлений из общественных и государственных форм. Кроме того, отмечается непонимание Гегелем классового характера сущности государства[18].

Г. Ф. Александров отмечает ограниченность и консервативность гегелевского учения о государстве, рассматриваемом как воплощение нравственной идеи (в том числе в отношении реакционного помещичьего прусского государства)[19].

Во втором издании «Большой советской энциклопедии» утверждается, что в социально-политической области основной идеей Гегеля была идея о том, что «не массы, не социальные революции, а монархическое государство, характеризуемое им как «земно-божественное» существо, является движущей силой истории». Кроме того, подчеркивается, что Гегель «отождествлял сущность государства с монархией и провозглашал вечность монархии в ее конституционной форме». Отмечается сословный характер философии Гегеля — власть в государстве, по Гегелю, должна принадлежать помещикам (с допуском буржуазии к участию в управлении государством). Утверждается, что государство

---

[16] *Липендин П. Ф., Николаев С.* О философском развитии Маркса // Под знаменем марксизма. 1933. № 2. С.87.

[17] *Каммари М. Д.* Философия права Гегеля // Под знаменем марксизма. 1935. № 2. М.: Правда. С. 36–38.

[18] *Быховский Б. Э.* Метод и система Гегеля. М.: Госполитиздат, 1941. С. 56–57.

[19] *Александров Г. Ф.* История западноевропейской философии. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1946. С. 417–419.

для Гегеля являлось важнейшим воплощением абсолютной идеи, а монархия воспринималась как имеющая божественный суверенитет[20].

Развитие вопроса об отношении к гегелевской теории государства

Вопрос об отношении к философии Гегеля является одним из ключевых во всей проблематике развития диалектического материализма конца XIX – первой половины XX века. С его фигурой связано большинство споров и дискуссий в рамках этого философского направления. Интерпретации различных сторон учения Гегеля отличались противоречивостью и двойственностью в произведениях как классиков марксизма-ленинизма, так и отдельных философских работников СССР, что свидетельствует о богатой и широкой палитре мнений в рамках советской философии того времени. При этом общее отношение к Гегелю в рассматриваемом периоде в целом ухудшалось, что могло объясняться как внутренними философскими причинами, так и внешними историческими обстоятельствами.

Философия права Гегеля, включая и его теорию государства, зачастую называлась самой реакционной частью учения Гегеля. Это связывалось с обозначением ярко выраженного буржуазного классового характера гегелевской философии права. Тем не менее даже в ней авторы произведений диалектического материализма могли выделять относительно прогрессивные черты, схожие с философией марксизма (например, в части наличия в учении Гегеля зачатков исторического материализма или же политической экономии, в части постановки Гегелем вопросов о необходимости борьбы с бедностью и преодоления существенного имущественного расслоения и т. д.). При этом востребованность и актуальность тех или иных аспектов философии Гегеля могла меняться, что влияло как на общий характер ее восприятия, так и на превалирование различных, в том числе противоречащих друг другу, интерпретаций отдельных ее аспектов.

Так, в ранние периоды развития диалектического материализма (ориентировочно до конца 1920-х годов) существенное внимание уделялось революционности диалектического метода Гегеля, в том числе применительно к выявлению значения этого метода для решения общественно-политических вопросов.

В 1930-е годы совершилось изменение общественно-политических и исторических условий: непосредственный постреволюционный период становления советского государства был завершен, произошло формирование и укрепление государственных институтов, осуществились серьезные изменения во всех сферах общественной жизни. Запрос на радикальные, революционные преобразования во многом сменился потребностью в крепкой, стабильной и эффективно

[20] Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. Т. 10. М.: Советская энциклопедия, 1952. С. 308–309.

работающей системе. В СССР происходит некое сосредоточение государственных сил, внутренняя мобилизация, выражающаяся в том числе и в партийной установке об обострении классовой борьбы, а также в расширяющихся репрессиях. Страна также оказывается перед растущими внешнеполитическими угрозами, в том числе в связи с приходом НСДАП к власти в Германии. Сложные условия 1930-х годов отражаются на характере проработки гегелевской проблематики, в том числе по вопросу о теории государства. Снижается как уровень акцентирования внимания на революционном характере философии Гегеля, так и интерес к наиболее теоретическим частям его учения (в том числе в части детализированного разбора различных логических категорий, углубления в вопросы теории познания и т. д.). На первый план выходят интерпретации, связанные с общественно-политическими или историческими аспектами философии Гегеля — в центре внимания оказываются вопросы философии права, философии истории, классовой проблематики применительно к Гегелю. 1930-е годы также характеризуются и определенным ростом интереса к Гегелю в Европе, в связи с чем для диалектического материализма становится актуальным вопрос осмысления характера использования гегелевского наследия как в буржуазной, так и в марксистской философии. Появляются работы, посвященные раздуванию реакционных сторон учения Гегеля буржуазными и/или фашистскими идеологами. В этой связи прослеживается общая линия интерпретаций, связанная с обозначением двойственности отношения к философскому наследию Гегеля: с одной стороны, законным наследником «рационального зерна» его учения объявляется пролетариат, но, с другой стороны, все более отчетливо звучат тезисы о наличии в философии Гегеля (в том числе в части философии права и теории государства) реакционного потенциала. На отношении к философии Гегеля сказывается и характерное для данного периода усиление принципа партийности в философии. В различных работах, посвященных гегелевской проблематике, сокращается количество цитат из текстов самого Гегеля при увеличении количества цитат, связанных с Гегелем, из произведений Маркса, Энгельса и Ленина. Происходит плавный переход от интерпретаций непосредственно Гегеля к «интерпретациям интерпретаций» классиков марксизма.

На ухудшение отношения к Гегелю существенно влияет и начавшаяся Великая Отечественная война. Если до войны преобладала скорее ориентация на тезисы о раздувании реакционных, германско-шовинистических, агрессивно-захватнических начал философии Гегеля буржуазно-фашистскими идеологами (в том числе путем искажений философии Гегеля, вытравливания из нее всего рационального содержания и т. д.), то в 1940-е годы соответствующие обвинения зачастую адресуются уже непосредственно к Гегелю, который начинает обозначаться как апологет войны, как идеолог прусской милитаристской экспансии, как философ, пренебрежительно относящийся к славянам и другим негерманским народам, и т. д. Тем не менее отношение к Гегелю продолжает сохраняться далеко не однозначным, и наряду с резко критическими оценками отдельных аспектов его философии сохраняются (причем зачастую в рамках

одних и тех же работ) и крайне положительные оценки Гегеля как вершины буржуазной философской мысли, автора гениальных идей о диалектическом развитии и т. д.

Значимым событием этого периода становится философская дискуссия 1947 года по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии», на которой гегелевская проблематика становится одной из центральных тем. Итогом дискуссии становится выраженное А. А. Ждановым утверждение партийной позиции о преобладании в Гегеле реакционных начал, а также указание о сворачивании дальнейших споров о Гегеле. После дискуссии 1947 года на какое-то время количество работ о Гегеле заметно снижается, а в общей характеристике гегелевской философии преобладают сильные негативные оценки. Впрочем, встречается и критика приверженности крайним позициям в отношении Гегеля, что называется шараханьем из стороны в сторону, пережитком метафизических воззрений и недостаточным пониманием сути диалектики[21].

Возможно выделить ряд основных факторов, повлиявших на разнообразие и противоречивость направлений интерпретаций философии Гегеля в рамках диалектического материализма конца XIX – первой половины XX века. Существенная часть из них затрагивается и в самих произведениях этого периода, при попытках осмысления феномена постоянных споров о Гегеле. Среди таких факторов возможно отметить следующие:

1) незавершенность внутреннего, собственного, авторского пути развития философии Гегеля в связи с его относительно ранней и скоропостижной смертью;

2) проблематика спорной аутентичности и корректности текстов ряда работ Гегеля, изданных после его смерти, что вызывало различные предположения о действительном содержании идей Гегеля;

3) допущение Гегелем ряда внутренних противоречий в собственных работах;

4) некоторые стилистические особенности отдельных текстов Гегеля, связанные с их тяжеловесностью и высокой степенью абстрактности, что вызывало впоследствии проблемы неоднозначности их трактовки;

5) постепенное снижение уровня цитирования работ Гегеля при проведении интерпретаций в рамках диалектического материализма в силу характерной для некоторых периодов установки по борьбе с «цитатным подходом», что позволяло допускать весьма широкие интерпретации, вплоть до прямых искажений тезисов Гегеля;

6) свойственный отдельным периодам развития диалектического материализма принцип критики объективизма в философии (то есть позиций о беспристрастном и объективном характере научных исследований);

7) отягощение философии диалектического материализма принципом партийности, что влияло на вопросы интерпретаций философии Гегеля в связи с недостаточно четкими или меняющимися партийными установками;

[21] *Кедров Б. М.* Критические заметки на философские темы // Вопросы философии. 1948. № 1. С. 53–71.

8) неоднозначность и противоречивость оценок философии Гегеля со стороны классиков марксизма-ленинизма (Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин);

9) проблематика неоднозначного решения вопроса об исторической преемственности, а также общем характере развития философских учений в рамках доктрины диалектического материализма;

10) внутренняя противоречивость философии диалектического материализма по вопросу о собственном развитии: сочетание тенденций по догматизации диалектического материализма и установок о необходимости его постоянного обновления;

11) использование отдельными группами философов диалектического материализма гегелевской проблематики как инструмента во внутриполитических, «корпоративных» спорах;

12) становление культа личности Сталина в 1930-х годах, наряду с относительно критичным отношением Сталина к философии Гегеля;

13) влияние крупных исторических событий указанного периода на актуальность тех или иных аспектов гегелевской проблематики.

Если исходить из тезисов самого Гегеля о том, что философия есть «дух времени как мыслящий себя дух», то бурные исторические события конца XIX и первой половины XX века, безусловно, сказались на неоднократном изменении «духа времени» и на соответствующем восприятии философии Гегеля. Вопросы, задачи по философскому осмыслению которых ставились каждой эпохой, менялись, и представители каждой эпохи находили в работах Гегеля что-то свое. Идеи западноевропейской философии, будучи перенесенными на отечественную почву и адаптированными к конкретным историческим условиям, могли существенно изменяться. Таким образом отечественная философская мысль не останавливалась в своем движении, показывая способность к постоянному развитию даже в непростых условиях работы с учетом сильнейшего партийного и государственного влияния на нее.

Список источников

1. Александров Г. Ф. История западноевропейской философии. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1946. 508 с.

2. Александров Г. Ф. Философские предшественники марксизма. 2-е изд. М.: Политиздат при ЦК ВКП(б), 1940. 68 с.

3. Аржанов М. А. Гегельянство на службе германского фашизма. М.: Партиздат, 1933. 152 с.

4. Асмус В. Ф. Маркс и буржуазный историзм (1933) // Избранные философские труды. 1971. Т. 2. М.: Изд-во Московского университета, 1971. С. 351–379.

5. Баммель Г. К. О фашизации истории философии в Германии // Против фашистского мракобесия и демагогии. М.: Соцэкгиз, 1936. С. 216–264.

6. Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. Т. 10. М.: Сов. энциклопедия, 1952. 620 с.

7. Брушлинский В. К. Современное гегельянство на Западе // Под знаменем марксизма. 1931. № 7–8. С. 204–224.

8. Быховский Б. Э. Метод и система Гегеля. М.: Госполитиздат, 1941. 68 с.

9. Вандек В. Г., Тимоско В. Гегель и Кант // Под знаменем марксизма. 1931. № 11–12. С. 133–145.

10. Горохов Ф. А. Философско-исторические взгляды Гегеля и исторический материализм // Под знаменем марксизма. 1931. № 11–12. С. 54–85.

11. Диалектический и исторический материализм: учебник для комвузов и вузов: в 2 ч. / под ред. М. Б. Митина. М.: ОГИЗ; Соцэкгиз, 1934. 480 + 624 с.

12. Дынник М. А. От примирения с действительностью к апологии разрушения // Летописи марксизма. 1927. № 4. С. 30–44.

13. Каммари М. Д. Философия права Гегеля // Под знаменем марксизма. 1935. № 2. С. 26–56.

14. Кедров Б. М. Критические заметки на философские темы // Вопросы философии. 1948. № 1. С. 53–71.

15. Ленин В. И. Фридрих Энгельс (1895) // ПСС. Т. 2. 5-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1967. С. 3–230.

16. Липендин П. Ф., Николаев С. О философском развитии Маркса // Под знаменем марксизма. 1933. № 2. С. 74–109.

17. Митин М. Б. Гегель и теория материалистической диалектики. М.: ОМВД; Партийное изд-во, 1932. 58 с.

18. Плеханов Г. В. В Амстердаме (1904) // Сочинения. Т. 16. М.: Госиздат, 1928. 384 с.

19. Плеханов Г. В. Новый защитник самодержавия, или горе г. Тихомирова. Otvet na broshjuru «Pochemu ja perestal byt' revoljucionerom?» (1889) // Избранные философские произведения: в 5 т. Т. 1. М.: Госполитиздат; Соцэкгиз, 1956. 848 с. С. 382–418.

20. Плеханов Г. В. Предисловие переводчика и примечания ко 2-му изданию брошюры Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах» (1905) // Избранные философские произведения: в 5 т. Т. 1. М.: Госполитиздат; Соцэкгиз, 1956. 848 с. С. 451–503.

21. Танхилевич О. М. Об историческом и логическом. К вопросу о гегелевском наследстве // Под знаменем марксизма. 1931. № 6. С. 29–44.

References

1. Aleksandrov, G. F. (1946). *History of Western European philosophy* [*Istorija zapadnoevropejskoj filosofii*]. Moscow: Izd-vo AN SSSR. 508 p. (In Russian).

2. Aleksandrov, G. F. (1940). *Philosophical predecessors of Marxism* [*Filosofskie predshestvenniki marksizma*] (2nd ed.). Moscow: Politizdat. 68 p. (In Russian).

3. Arzhanov, M. A. (1933). *Hegelianism on the service of German fascism* [*Gegel`janstvo na sluzhbe germanskogo fashizma*]. Moscow: Partizdat. 152 p. (In Russian).

4. Asmus, V. F. (1971). Marx and the bourgeois historicism [Marks i burzhuazny`j istorizm]. *Izbranny`e filosofskie trudy`, 2,* 351–379. Moscow: Izd-vo Moskovskogo Universiteta. (In Russian).

5. Bammel, G. K. (1936). *On fascist tendencies in history of philosophy* [*O fashizacii istorii filosofii v Germanii*] (pp. 216–264). Moscow: Socjekgiz. (In Russian).

6. *Great Soviet Encyclopedia (2nd ed., vol. 10)* (1952). [Bol`shaja Sovetskaja Jenciklopedija]. Moscow: Sovetskaja Jenciklopedija. 620 p. (In Russian).

7. Brushlinskij, V. K. (1931). Modern Hegelianism on the West [Sovremennoe gegel'janstvo na Zapade]. *Pod znamenem marksizma*, 7–8, 204–224. (In Russian).

8. By`hovskij, B. E. (1941). *Hegel`s method and system* [*Metod i sistema Gegelja*]. Moscow: Gospolitizdat. 68 p. (In Russian).

9. Vandek, V. G., & Timosko V. (1931). Hegel and Kant [Gegel` i Kant]. *Pod znamenem marksizma*, 11–12, 133–145. (In Russian).

10. Gorohov, F. A. (1931). Philosophical and historical views of Hegel and Historical materialism [Filosofsko-istoricheskie vzgljady` Gegelja i istoricheskij materializm]. *Pod znamenem marksizma*, 11–12, 54–85. (In Russian).

11. Mitin, M. B. (1934). *Dialectical and Historical Materialism* [*Dialekticheskij i istoricheskij materializm*] (In 2 parts). Moscow: OGIZ. P. 1, 480 p.; P. 2. 624 p. (In Russian).

12. Dy`nnik, M. A. (1927). From conciliation with reality to apology of destruction [Ot primirenija s dejstvitel`nost`ju k apologii razrushenija]. *Letopisi marksizma, 4,* 30–44. (In Russian).

13. Kammari, M. D. (1935). Hegel's philosophy of right [Filosofija prava Gegelja]. *Pod znamenem marksizma, 2,* 26–56. (In Russian).

14. Kedrov, B. M. (1948). Critical essays on philosophical themes [Kriticheskie zametki na filosofskie temy`]. *Voprosy` filosofii, 1,* 53–71. (In Russian).

15. Lenin, V. I. (1967). Friedrich Engels [Fridrih Jengel`s]. In *Polnoe sobranie sochinenij* (5 ed., vol. 2, pp. 1–14). Moscow: Izd-vo politicheskoj literatury. (In Russian).

16. Lipendin, P. F. & Nikolaev S. (1933). Philosophical development of Marx [O filosofskom razvitii Marksa]. *Pod znamenem marksizma, 2,* 74–109. (In Russian).

17. Mitin, M. B. (1932). *Hegel and the theory of materialistic dialectic* [Gegel' i teorija materialisticheskoj dialektiki]. Moscow: Gosizdat. 58 p. (In Russian).

18. Plekhanov, G. V. (1928). In Amsterdam [V Amsterdame]. In *Sochinenija, 16.* Moscow: Gosizdat. 384 p. (In Russian).

19. Plekhanov, G. V. (1956). New defender of autocracy or grief of Mr. Tikhomirov. The answer to the pamphlet "Why did I stop being a revolutionary?" (1889) [Novyj zashhitnik samoderzhavija, ili gore g. Tihomirova. Otvet na broshjuru «Pochemu ja perestal byt` revoljucionerom?» (1889)]. In *Izbranny`e filosofskie proizvedenija* (In 5 vols., vol. 1, pp. 382–418). Moscow: Gospolitizdat; Sotsekgiz. 848 p (In Russian).

20. Plekhanov, G. V. (1956). Foreword to 2 ed. of 'Ludwig Feuerbach' [Predislovie perevodchika ko 2-mu izdaniju «Ljudvig Fejerbah»]. In *Izbranny`e filosofskie proizvedenija* (In 5 vols., vol. 1, pp. 451–503). Moscow: Gospolitizdat; Sotsekgiz. 848 p. (In Russian).

21. Tanhilevich, O. M. (1931). On historical and logical [Ob istoricheskom i logicheskom]. *Pod znamenem marksizma, 6,* 29–44. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the author:

Владимиров Павел Викторович — соискатель на кафедре истории зарубежной философии, Российский государственный гуманитарный университет.

Миусская площадь, 6, Москва, Россия, 125047,

pvladimirov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1431-4011

Vladimirov Pavel Victorovich — candidate at the Department of History of Foreign Philosophy, Russian State University for the Humanities.

Miusskaya ploshhad, 6, Moscow, Russia, 125047,

pvladimirov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1431-4011